

ДАННЫЕ О НЕИЗВЕСТНОМ АРМЯНСКОМ МОНАСТЫРЕ В КАФЕ

Доктор архитектуры О. Х. ХАЛПАХЧЬЯН (Москва)

Архитектура существовавших на территории Европейской России многочисленных армянских колоний еще не достаточно изучена. И хотя за последние десятилетия появились исследования отдельных памятников и более или менее обобщающие работы по строительной деятельности армян за пределами их родины, тем не менее выявляются новые материалы, особенно археографические, представляющие несомненный интерес, поскольку они восполняют наши познания об утраченных в натуре сооружениях армянских колоний. К таким материалам относится обнаруженный нами в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА) чертеж армянского монастыря в Кафе (первоначально Ардавада, позднее Феодосия, Кафа, Кефе, ныне снова Феодосия).

Чертеж выполнен на бумаге (60 × 90 см) тушью и красной краской кондуктором 1-го класса Николаем Евсеевым и утвержден инженер-майором Новгородцевым¹. На чертеже (рис. 1) слева показан генеральный план монастыря, справа вверху — «план полковому обозному сараю № 60, исправленному починкою в 1800 году в городе Кефе» и его поперечный разрез, ниже — семь разрезов и столько же фасадов гражданских строений монастыря. Номер чертежа II (в правом верхнем углу над рамкой) и указанные на плане буквенные обозначения помещений дают основание предполагать о существовании по меньшей мере еще одного чертежа. Надо думать, что он содержал выкопировку из генерального плана города с указанием местонахождения монастыря, подробную экспликацию и, возможно, фасады и разрезы группы культовых строений.

Рассматриваемый чертеж ценен тем, что он констатирует наличие в городе армянского монастыря, сооружения которого в конце XVIII — начале XIX вв. находились в хорошем состоянии. Генеральный план дает представление о планировке этого комплекса, составе и назначении его сооружений и их композиционных особенностях.

Кафа (в дальнейшем будем именовать ее Феодосия) имела в средние века многочисленное, до 70 тыс. чел., население, среди которого армяне составляли значительную часть: в 1439 г. их было 30 тыс. чел., а в 1475 г. — около 47 тыс. чел.² По сведениям европейских и армянских

¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 40, ед. хр. 4644, 1880 г.

² *Atti della Società Ligure di storia patria*, v. VII, 1875, 2, стр. 243; Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 52, Одесса, 1915, стр. 168. — Перевод кн.: W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant en moyen age*, 1885.

ученых, во времена наивысшего расцвета города в нем насчитывалось до 45 армянских церквей (29 внутри крепостных стен и 16 за их пределами), число которых позднее постепенно уменьшалось. В 1634 г. городской префект Дортели д'Аскони отмечает только 28, а Ш. Пейсонель в 1775 г. — уже 24 церкви³. Судя по экспликации генерального плана Фе-

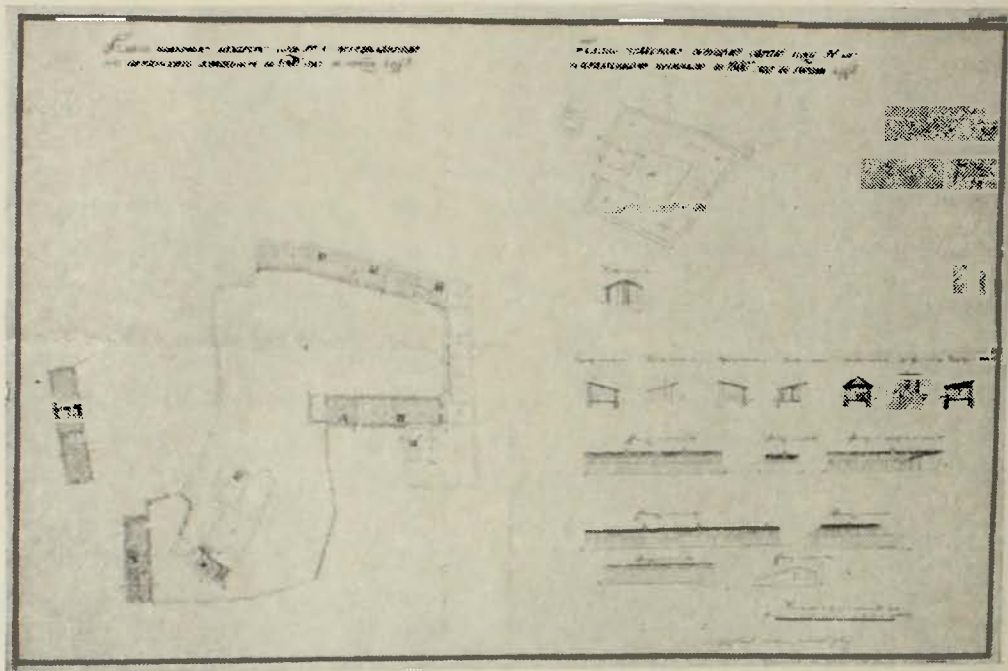

Рис. 1.

одосии 1784 г., большинство этих церквей лежало в руинах⁴. Начавшееся в конце прошлого века развитие города сопровождалось разбором не только разрушенных, но и находившихся в запустении и неиспользуемых армянских церквей, в связи с чем сейчас в Феодосии их сохранилось только пять.

Надпись на чертеже «План полковому лазарету под № 1, переделанному из армянского монастыря в 1800 году в городе Кефе», не отмечает, какому святому был посвящен монастырь. Сравнение планов церквей рассматриваемого монастыря и сохранившихся в городе армянских церквей (Саргиса, XI в., Иоанна Крестителя, 1348 г., Георгия, XIV в., Иоанна Богослова, XIV—XV вв., Михаила и Гавриила, 1408 г.) показывает их существенное различие, что свидетельствует о полном исчезновении этого памятника армянского зодчества в Феодосии.

Незнание названия монастыря лишает возможности определить его точное местонахождение в городе по дошедшим до нашего времени бо-

³ Записки Одесского общества истории и древностей, вып. XXIV, 1902, стр. 118, 119; Ch. de Peyssonel, *Traité sur le commerce de la mer Noire*, Paris, 1784. Цит. по: Т. Кеннепу, «Крымский сборник», СПб., 1837, стр. 29.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22008.

лее чем десяти генеральным планам Феодосии, составленным русскими инженерами примерно на протяжении 20 лет, начиная с 1771 г.⁵ Эти планы выполнены в мелком масштабе, с условным обозначением всех христианских (армянских, греческих и русских) культовых сооружений в виде креста или прямоугольника с крестом внутри, не позволяющим хотя бы условно определить конфигурацию церквей с пристроенными к ним зданиями⁶.

Тем не менее анализ армянских источников дает возможность высказать некоторые соображения о названии рассматриваемого монастыря. Монастырей в Феодосии было немного, поэтому армянские авторы при упоминании монастырских церквей не забывали отметить их принадлежность. Так, М. Бжишкянц, описывая армянские церкви Феодосии, о купольной церкви Ованнеса говорит, что она была монастырской⁷. Судя по плану, видимо, купольной была и интересующая нас церковь.

Дополнительные сведения о церкви Ованнеса находим в одной поэме, приведенной в работе К. Кушнарьяна⁸, автор которой, описывая все 24 армянские церкви Феодосии, указывает отличительные признаки каждой из них, например местонахождение в городе или за его пределами, значение среди подобных сооружений, величину или давность возведения. Церковь Ованнеса охарактеризована как небольшая (с низкими стенами), внутри каменной ограды (окруженная стенами с четырех сторон), что полностью соответствует изображению на чертеже. Учитывая изложенное, можно считать, что церковь переделанного в полковой лазарет армянского монастыря носила имя Ованнеса.

В конце XVIII вв., после переселения армянского населения Феодосии в южнорусские земли, часть армянских церквей и монастырей города была заброшена. Это дало право русским властям использовать их по своему усмотрению, в частности перестроить рассматриваемый комплекс в полковой лазарет. Выбор монастыря Ованнеса был не случайным, поскольку он имел удобный для санитарных повозок большой двор (2700 м²), вместительные подсобные сооружения (около 1300 м²), которые при небольших затратах можно было быстро переоборудовать. Отмеченные на чертеже красным цветом незначительные перестройки (открытие новых окон на дворовых фасадах, переделка плоских кровель в двускатные с уклоном в сторону двора) и частичные поновления внешней ограды свидетельствуют о достаточно хорошем состоянии монастыря. Церковь и примыкающие к ней сооружения остались почти без изменений.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22006, 22007, 22008, 22729, 22731 и др.

⁶ Генеральные планы Феодосии см. О. Х. Халпахчьян, Этапы планировки и застройки Феодосии (с древнейших времен до конца XVIII в.), «Архитектурное наследство», № 25, М., 1976, стр. 35—49.

⁷ Բժ. Բժշկանց, Ծանալարհորդութիւն ի ինչատան եւ լաւ կողման բնակարան ի հայկական սերկոց ի նախնեաց անբաղարին, Վենետիկ, 1830, стр. 355.

⁸ Բ. Քուչնեբոյան, Պատմութիւն հորմու հայոց, Վենետիկ, 1895, стр. 139—141.

Своеобразно изломанный периметр территории монастыря дает основание предполагать о его нахождении среди плотной застройки, характерной для центра города, а не для более свободной от строений окраины. Видимо, такая форма двора образовалась в итоге нескольких расширений, связанных с повышением значения монастыря, а отсюда и ростом его благосостояния, подтверждаемым вместительными дворовыми корпусами жилого и хозяйственного назначения.

Анализ конфигурации двора позволяет установить три строительных периода формирования комплекса. Первоначально существовала западная половина двора площадью около 1400 м², связанная с проходившей вдоль северной стены ограды улицей въездным порталом. В центре двора возвышалась небольшая церковь, к западу от которой, в 10 м, находился хозяйственный, частично двухэтажный корпус (рис. 2). Его

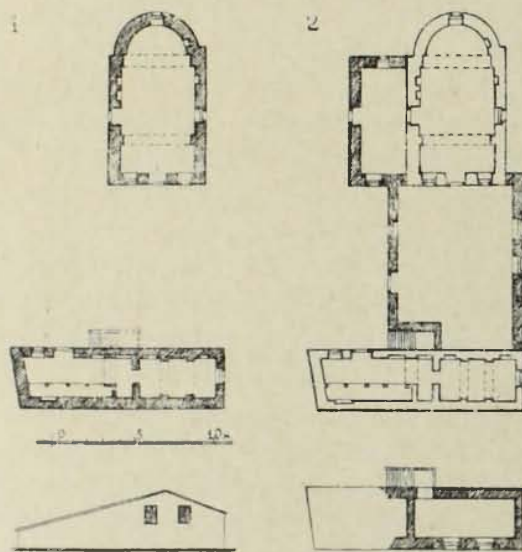

Рис. 2.

первый, низкий, этаж занимали хлев на четыре стойла и перекрытый сводом на подпружных арках склад продуктов или хранилище имущества, а верхний, на который поднимались по наружной лестнице, — продолговатая, видимо, жилая комната площадью 21 м².

Расширение монастыря произошло в восточную сторону, где, как полагаем, была менее плотная, чем на южной и западной сторонах, застройка. На новой территории был создан вытянутый с севера на юг просторный двор площадью около 1150 м², могущий вместить многочасленный колесный транспорт богомольцев. Двор имел также хозяйственное назначение, поскольку его окружали с востока, юга и запада корпуса, имевшие со стороны соседних владений глухие стены.

Восточный корпус, единое помещение протяжением в 43 м, служил хлевом, в котором хранился также корм для скота. Кроме входа с южного конца дворового фасада, обозначенного на плане, вероятно, было

еще два других, на северном конце и посередине корпуса. Южный корпус разделялся каменными стенами на четыре части. Большое среднее помещение с входом на поперечной оси было трапезной, к которой примыкали с востока слабо освещенная кладовая, а с запада служебная комната. Западный корпус был жилым. Он подразделялся на большую, в 105 м², комнату с просторными сенями для ночлега паломников и комнату поменьше, около 30 м², с прихожей — для более высокопоставленных персон.

Новые строения появились и возле церкви. Северная пристройка предназначалась для хранения церковного имущества, а западная служила притвором, в котором находились не вмещавшиеся в храм богомольцы. Притвор занимал весь промежуток между церковью и расположенным здесь ранним хозяйственным корпусом, почему ведшая на второй этаж последнего наружная лестница была заключена в каменные стены.

Последним расширением монастыря следует считать появление у южного угла хозяйственного двора, с его юго-западной стороны, нового изолированного двора площадью 130 м² со зданием, состоявшим из комнаты, входных сеней и чулана (см. рис. 1). Для кого предназначалось это сооружение, трудно определить. Возможно, здесь пребывал настоятель обители.

Расположенные севернее церкви корпуса появились, надо полагать, после переоборудования монастыря под лазарет. Примыкающее к ограде здание под четырехскатной кровлей, судя по указанному на плане и на поперечном разрезе оборудованию, служило госпитальной баней, что, видимо, определило устройство перед ней обособленного дворика, а находящееся в удалении, за пределами ограды, — помещением для проживания руководящего медицинского персонала.

Исчезновение всех монастырских строений и отсутствие подробных литературных сведений лишает нас возможности установить точные даты строительства рассматриваемого комплекса, зафиксированного чертежом 1800 г. Тем не менее приблизительно можно определить время основания монастыря и его расширений. Отправным пунктом при этом служат композиционные особенности его культовых сооружений.

Четкость прямоугольной в плане церкви характерна для многих сохранившихся на территории Крыма однозальных армянских сооружений. Соотношение внешних размеров здания, т. е. ширины к длине, как 3:4 можно видеть в феодосийских церквях Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова, а выступающая за пределы основного объема здания внешне полуциркулярная апсида осуществлена также в памятниках Зораварк XIV в. и Иоанна Богослова в Феодосии, позднее, в XVII в., — Урпата в селе Топлы.

Обозначенная пунктиром в западной половине плана интерьера церкви Ованнеса подпружная арка вместе с аркой алтарной апсиды образует в перекрытии квадратную в плане форму, что дает основание усматривать наличие в этом месте купола. В противном случае строитель

возвел бы здесь еще одну подпружную арку, как это сделано в упомянутой церкви Иоанна Богослова. Судя по куполам, сохранившимся на церквях Иоанна Крестителя, Михаила и Гавриила и в церкви монастыря XIV в. Сурб-Хач в селении Старый Крым, купол церкви Ованнеса, о котором упоминает М. Бжишкянц⁹, был также восьмигранным. Освещалась церковь не менее чем восемью окнами: по одному в алтаре и на южной стороне, два на западной и четыре в куполе. Кроме обязательного западного входа имелся второй, в северной стене, напротив широких (в 3 м) монастырских ворот. Перечисленные особенности композиции церкви Ованнеса, показательные для ряда церквей крымских армян, позволяют датировать рассматриваемое здание концом XIV — началом XV вв. В это время монастырь имел небольшой двор и ограниченное число сооружений.

Расцвет монастыря произошел примерно 100 лет спустя, в конце XV в., когда население города было максимальным. Этим временем следует датировать расширение территории монастыря к востоку — появление хозяйственного двора с служебными корпусами и пристройку к церкви северного помещения и притвора (см. рис. 2).

Из сооружений второго периода определенный интерес представляет притвор. Он, как и притворы церквей Иоанна Крестителя, Иоанна Богослова, Зораварк и др., шире и по площади больше самих церквей. Ввиду наличия небольшого хозяйственного корпуса вход в притвор сделан не в западной, а в северной стене, обращенной в сторону главных ворот монастыря. Форма плана притвора не квадратная или близкая к ней, какая обычно практиковалась в Армении, а вытянутая с запада на восток прямоугольная, с соотношением сторон как 2 : 3 и вырезом для лестницы в северо-западном углу помещения. Учитывая небольшой пролет (7,5 м) и отсутствие на плане свободно стоящих опор, надо полагать, что перекрытие притвора было двускатное деревянное стропильной конструкции. Уклоны кровли пологие, как в перекрытии примыкающего к нему хозяйственного корпуса.

Последний строительный период, видимо, последовал вскоре за вторым; можно датировать его концом XV — началом XVI вв. После этого времени жизнь в Феодосии постепенно затухала, и, учитывая историческую обстановку, вряд ли будет правильным предполагать о выполнении в монастыре значительных строительных работ по его расширению.

Итак, изучение плана армянского монастыря в Кафе свидетельствует о существовании в городе в течение более чем четырех столетий значительного культового комплекса крымских армян. Так же как и аналогичные комплексы в Армении, армянский монастырь Ованнеса имел несколько строительных периодов. Расширялась территория монастыря, возводились новые здания, в подавляющем большинстве хозяйственного назначения. Переселение армян Крыма в конце XVIII в. в Россию привело к запустению монастыря, переоборудованию его в военный госпиталь, а после ликвидации последнего — к сносу всех строений.

⁹ *Մ. Բժիշկյանց, ցիւան. սոչ.,* стр. 355.

ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ԿԱՖԱՅԻ ԱՆՀԱՅՏ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՆՔԻ ՄԱՍԻՆ

Ճարտարապետության դոկտոր Հ. Խ. ԽԱԼՓԱԽՉՅԱՆ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Կենտրոնական պետական ռազմապատմական արխիվում հայտնաբերված հատակագիծը լրացնում է մեր տեղեկությունները հին Կաֆայի (Թեոդոսիա) հայկական գաղութում տարվող շինարարության մասին: Գծագիրը ծանոթացնում է Ս. Հովհաննեսի վանքի հատակագծման, շենքերի կազմի, նրանց կոմպոզիցիոն առանձնահատկությունների հետ: Պատմական տվյալների, գլխավոր հատակագծի ու ճարտարապետական կառուցվածքների վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս որոշելու վանքի հիմնադրման ժամանակն ու շինարարական փուլերի ընթացքը, սկսած XIV դարից մինչև XVIII դարը: XVIII դարի վերջին, Ղրիմի հայերի Ռուսաստան գաղթելու հետևանքով, վանքը ամայանում է: 1800 թ. այն վերածվում է ռուսական հիվանդանոցի, իսկ նրա լուծարքից հետո լրիվ ավերվում է: